

Эмоциональная тупость

Кажется, мне уже доводилось где-то упоминать в своих писаниях этот странноватый диагноз — «эмоциональная тупость». Его поставили когда-то одному моему приятелю и земляку из присаянских глубинки. Прежде я не замечал за ним никаких странностей, кроме разве того, что он никогда не знал и не чувствовал... похмелья, чреватого, как известно, головными болями и сердечными томлениями. Даже, помнится, с неподдельным любопытством выспрашивал у всех нас, страдавших «после вчерашнего», подробности ощущений при этой самохотной хворобе, не ведомой ему.

Но с годами у него стали проявляться и более тревожные «отклонения».

К примеру, время от времени он погружался в состояние некой ипохондрии. Становился неразговорчивым, задумчивым, уходил в себя и даже худел, ибо терял интерес не только к своим делам, но и к пище. А потом, в довершение ко всему, у него почему-то начали сечься и выпадать целыми островками волосы на голове, так что ему пришлось остричься под ноль.

И вот наконец местные районные эскулапы, расписавшись в бессилии перед таинственными проявлениями его нездоровья, дали ему направление в одну из краевых больниц. А именно в ту, «на Ломоносова», о которой пациенты обычно говорят неохотно и шёпотом. Оттуда-то, после приёма у остепенённого светила в области неврологии-психопатологии, и принёс он, зайдя ко мне, теперешнему горожанину, в гости, этот загадочный не то симптом, не то диагноз. Естественно, я пристал к нему с расспросами о деталях и подробностях, как он приставал, бывало, к нам по другому поводу. И в первую очередь меня, как и его когда-то, интересовало, что же он, собственно, чувствует при своей малопонятной болезни. Приятель грустно отвёл глаза в сторону и повторил ту же фразу: «Эмоциональную тупость...»

Признаться, я воспринял эти слова с долей иронии или, по крайней мере, некоторого скепсиса и поспешил перевести разговор на другие темы, посчитав медицинскую исчерпанной. И потом забыл о ней на многие годы.

Но вот в последнее время, на моём восьмом (страшно подумать!) десятке, она стала исподволь

напоминать о себе. Пожалуй, особенно явственно это проявилось годика три назад, когда я, собравшись в очередной раз навестить родное село, на исходе лета подъезжал к нему и вдруг поймал себя на том, что его панорама, открывшаяся взгляду с Петуховской горы, почему-то не особо волнует меня, не вызывает обычных эмоций. Мне живо вспомнилось, как, бывало, в пору студенческой юности, да и в последующие времена, у меня при виде нашеньких самых близких душе березняков, косогулов, бревенчатых изб и особенно встречных лиц невольно перехватывало горло и туманились глаза, хотя я не считал себя сентиментальным человеком. Теперь же я довольно равнодушно и даже вроде бы сторонним взглядом смотрел на эти взгорки и берёзки, на извивы тоненькой речки с мостом, на убегающие вдаль шеренги домов под тесовыми и шиферными крышами...

Грешно признаться, но моё сердце не защемило даже в ту минуту, когда за окном неспешного автобуса проплыл отчий дом, наше родовое гнездо, вернее сказать, то, что сохранилось от него при нынешних хозяевах усадьбы.

С подобным хладнокровием, похожим на отчуждение, взирал я и на встречные лица уже сплошь незнакомых, а может, незнаваемых людей, включая стариков и старушек.

«Что это со мной?» — спросил я себя почти в испуге.

И «услужливая память» в ответ выкатила из своих глубин полудзабытые слова бывшего земляка-приятеля: «Эмоциональная тупость...»

Да, это, наверное, она, подлая, незаметно подкрадывается ко мне, как тёмная гадюка в луговой траве. Подползает, когда у меня уже нет сил, чтобы отпрыгнуть в страхе от неё, едва уловив зловещее шуршание. Впрочем, и страха особого вроде бы нет. На душе какое-то тупое смирение, отчасти близкое равнодушию и безразличию, но, пожалуй, более — покорности судьбе. И остаётся лишь надеяться, что это не звоночки из клиники «на Ломоносова», а просто неизбежные издержки погружения в старость, которое прежде нынешних заметок я пытался выразить в стихотворении.

Погружение

Отболела, отпала коростой
Грусть-тоска по родному углу.
Видно, старость настигла, и просто я
Погружаюсь в неё, как во мглу.
Равнодушно гляжу на окрестности:
Вон гора, вот село и река...
Но и даже на дом наш не крестится,
Как бывало, «невольню» рука.

Разве только у белой часовенки,
С вечным нищим на низком крыльце,
Дрогнет дух, да и то, коль по совести,
Лишь от мысли о близком конце.
Я смирился с той участью вроде бы,
Но нет-нет да кольнёт под плечом,
Слева... Впрочем, тут малая родина
Ни при чём, ни при чём, ни при чём...

Хотя вполне допускаю, что, может, и зря грешу на свою старость. И дело вовсе не в ней. По крайней мере, не только в ней. А ещё в той общественной атмосфере, в которой мы нынче живём. Не секрет ведь, что если не все, то очень многие испытывают ощущение, будто сам воздух, которым мы дышим, пропитан унынием и безнадегой. И если в недавние времена социологи отмечали в народе массовый психоз перемен, то нынешнее состояние в пору назвать массовым психозом равнодушия и апатии, близким к той самой эмоциональной тупости.

Да и вправду, задумайтесь сами, пройдитесь мысленно по нашей истории. Жила-была тысячелетняя русская держава — княжеская, царская, советская. Ширилась, богатела, дивила мир стойкостью перед врагами, развитием наук и искусств. Но вот к рулю под видом «демократов» проникла кучка упёртых западников и развалила её. Чем же ответили мы с вами наглым развалистам? Массовым негодованием? Дружным отпором? Увы, «соборным» безмолвием и пофигизмом. То есть эмоциональной тупостью.

Следом наши общие несметные богатства, созданные многолетними трудами, привластные ловкачи объявили своими и рассовали по карманам. При полном равнодушии народа. Что это, как не эмоциональная тупость? Далее можете продолжить сами: закрытие тысяч заводов, удушение деревни, распродажа земли, расчленение Единой энергосистемы, монетизация льгот и тому подобное. Вплоть до нынешней пенсионной «реформы», которая отодвинула на целую пятилетку заслуженный (без кавычек) отдых трудяге и попутно отняла у него «лишний» миллиончик кровных...

Да что там земные блага и достатки! Не хлебом единым, как известно...

Так ведь и в духе житья не дают. Парализовали Академию наук, задвинули в дальний угол народное искусство, традиционную культуру,

национально ориентированную литературу. О проблеме Русского мира СМИ сообщают нам лишь в дни работы Всемирного конгресса соотечественников либо Всемирного русского народного собора, да и то если их посетит первое лицо государства. А «русский вопрос» внутри страны стал вообще «неформатом», ибо главные медийные рупоры отданы в одни либеральные (читай — антироссийские) руки... И что? В ответ громы и молнии протеста? Почти тишина. Нарушаемая разве только робкими голосами патриотических малотиражек да полуподпольных блогов и сайтов с жидкими «форумами». Но кто услышал их? Кто подхватил и вынес на вече народное, привлёк внимание города и мира к возмущению несогласных? Где сопротивление духовному оскотлению? Сплошная эмоциональная тупость...

«Ну а сам-то!» — пожалуй, воскликнут иные читатели. А что сам? Я как все. «Без меня народ неполный». «Я этой силы частица». «Русское поле, я твой тонкий колосок». С общей эмоциональной тупостью. Неужели всех нас ждёт грустная дорога в учреждение «на Ломоносова»?

Хорошо смеётся... первый

Многие «общеизвестные истины» всё же весьма сомнительны. Если, конечно, не принимать их на веру как некие догмы, а трезво и непредвзято поразмыслить над ними. К примеру, каждый знает и считает почти аксиомой, что хорош тот шутник, который умеет всех рассмешить, а сам при этом «даже не улыбнётся». И что в этом якобы вообще заключается высший пилотаж всякого юмора. Вот и все так называемые писатели-сатирики, которые ныне плодятся быстрее, чем мухи-дрозофилы, стараются держать лица каменными, читая со сцен театров, с экранов телевидения свои зубокальные «тексты», явно следуя вышеозначенному неписаному правилу юмористики.

Более того, гуляет в народе и часто цитируется в печати чьё-то будто бы мудрое и пронизательное в кажущейся парадоксальности замечание, что как раз природные юмористы из числа писателей, актёров или цирковых клоунов в жизни — самые грустные люди. Этаким рыцарям печального образа. И, мол, даже когда уста их смеются, то глаза по-прежнему покрывает тень «мировой скорби». Однако мне вот, Фоме неверующему, сдаётся, что во всех подобных наблюдениях и заявлениях присутствует немалая доля надуманности, если не нарочитой позы. Ну согласитесь, разве не более естественно для человека, удачно пошутившего «от себя» или хотя бы вставившего к месту чужую шутку, взять да посмеяться вместе со всеми, а то и спровоцировать смех своей улыбкой либо иной подобающей гримасой?

Конечно, если кто-то выдаст шутку глупую, пошлую, неуместную и сам же первым над нею

зайдётся в хохоте, то слушатели только пожмут плечами или из вежливости улыбнутся натянуто. Но если, повторим, шутка была удачной, остроумной и, как говорится, первой свежести, то почему бы и самому шутнику не посмеяться над нею? Тем более что всем известно, насколько заразительным бывает смех. Особенно наглядно это проявляется в кругу молодых людей, а тем более — детей и подростков. Знакомая картина: стóит одному из них рассмеяться даже вроде без особого на то повода, как тут же запрыскают в ладошки другие, корча уморительные рожицы. Это называется, «смешинка в рот попала».

Да и взрослые охотнее всего смеются в компании, в собрании, коллективе, причём порою в самые, казалось бы, мало подходящие, серьёзные моменты. Под воздействием всё той же заразной силы смеха, да ещё из чувства солидарности. Не зря психологи утверждают, что смех объединяет людей. Хотя можно сказать и обратное: что в объединении людей легче высекается смех. Он вообще явление «компанейское». На человека, одиноко смеющегося, мы смотрим по меньшей мере как на странного. А если к тому же смеющегося без видимого основания, то и — с осуждением, ибо «смех без причины — признак дурачины»...

Одним словом, пора бы нам оправдать тех шутников и пересмешников, которые сами смеются над своими шутками и тем более над шутками вокруг собственной персоны. Поскольку смех заразителен и он сближает, объединяет людей, то надобно всячески поощрять талантливых умельцев заражать окружающих столь добрым чувством.

Между прочим, сам Лев Толстой в знаменитой статье «Что такое искусство?» обстоятельно доказывал, что именно «заразительность» является одним из главных признаков и неотъемлемых качеств настоящего искусства во всех его родах и видах — в литературе и театре, в песне и музыке, в живописи и зодчестве. Так что не бойтесь посмеяться доброй шутке, даже если она слетела с вашего языка, и не стесняйтесь первыми поддержать её заразительность.

А насчёт известной сентенции, что, мол, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним... Последний — он и в Африке последний.

Простота непостижимая

Многие знают, что Лев Толстой не питал особой симпатии к стихам. И обычно, когда ныне заходит разговор о соотношении выразительных средств прозы и поэзии, вспоминают его ироничное замечание, что, мол, писать стихами — всё равно как идти за сохой и при этом выделять танцевальные па. Но известны и более серьёзные доводы Льва Николаевича против стихов. Он называл поэзию вообще «самой низкой отраслью литературы», так как «великий дар — Слово — дан

человеку для духовного общения, а поэт мысль калечит», втискивает её в тесные формы ритма и рифмы. Вот и врач Душан Маковицкий, находившийся рядом с Толстым в последние шесть лет его жизни, в своих «Яснополянских записках» приводит свидетельства тому. К примеру, 14 февраля 1905 года он, пожалуй, впервые коснувшись данной темы, отметил:

«Заговорили о стихах.

— Я вообще не люблю стихов, — сказал Л. Н. — Стихи должны быть очень хороши. Нельзя в них чувствовать lafature (технику — *фр.*), подыскивание рифм... Пушкин, Тютчев, Лермонтов — одинаково большие поэты. Потом падение: Фет, Майков. Полонский, Апухтин, потом декаденты...»

Или, допустим, 27 ноября 1908 года неутомимый Душан не позабыл записать в дневнике, что Лев Николаевич говорил, между прочим, о стихах некоего крестьянина, обращённых к нему, которые он получил накануне по почте. В частности, заметил, что среди множества несуразностей в них «есть и такое выражение: „писатель массивный“, и сейчас видно, почему массивный: следующая рифма — „дивный“...»

А на усмешливую реплику Софьи Андреевны, что при всех заявлениях о нелюбви к стихам Лев Николаевич недавно в который уж раз перечитывал Пушкина, он ответил: „У Пушкина стих лучше, чем у других проза. Только Пушкин может. Никакого усилия в стихах не чувствуется...“

Конечно, не один Лев Толстой высказывал подобные суждения, то есть ценил в стихах естественность и «высокую простоту». Достаточно вспомнить хотя бы знакомые каждому слова Александра Твардовского из великой «Книги про бойца», полные надежды автора на то, что читатель оценит его стремление к ясности слога и смысла и одобрительно скажет: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Или назвать даже почти антипода, представителя совсем другой, искусственно усложнённой, «книжной» поэзии Бориса Пастернака, под конец жизни всё-таки «впадавшего», «как в ересь, в неслыханную простоту». Да и множество других поэтов самых разных эстетических и политических направлений «опрощались» с годами, не впадая в простоту, а возвышаясь, вырастая до неё: Александр Блок, Игорь Северянин, Николай Заболоцкий... Можете сами продолжить ряд, исходя из своих познаний и пристрастий.

К слову сказать, у того же Льва Толстого я где-то читал о лакее-книжечее, который с восторгом сообщил ему, что нашёл на ярмарке книгу, где вообще ничего понять невозможно. А вышеупомянутый «король поэтов» даже стих сочинил о подобных поклонниках сомнительного любомудрия:

Чем бестолковее стихотворенье,

Тем глубже смысл находит в нём проstack.

Всё так. Но между тем далеко не все читатели, особенно из молодежи, готовы согласиться с Толстым и Твардовским, а тем паче с Северяниным. И таких несогласных, пожалуй, даже большинство в книгочейских кругах. Многим почему-то представляется, что именно в туманности и «высоком косноязычии» иных стихотворных строчек кроется та самая поэзия, неуловимая и загадочная, которой никто не может дать внятного определения. Да и мудрость, по-особому глубокоую, многие находят в стихотворной невнятице и нарочитой зауми. И потому среди любимых поэтов (кроме ритуально упоминаемых Пушкина и/или Лермонтова) зачастую почти в автоматическом режиме называют Цветаеву, Ахматову да Мандельштама с Бродским... И уж редко-редко кто назовёт того же Твардовского либо ещё кого-нибудь из ряда «элементарно» простых и понятных — от Некрасова до Есенина, Смелякова, Рубцова...

Хотел было на этом и поставить точку беглым заметкам о «писателях массивных», но вспомнился один случай «в тему», связанный с собственной персоной. Приведу его в заключение, простите за нескромность.

Где-то в начале текущего века проходили у нас в крае очередные выборы губернатора. Кандидатом от народно-патриотических сил на этот пост шёл известный экономист (ныне академик РАН и советник президента) Сергей Глазьев. Поддержать его прилетала из Москвы группа единомышленников — литераторов и политиков. В её составе, довольно солидным и живописным, были — главный редактор «Нашего современника» Станислав Куняев и его заместитель Александр Казинцев, главный редактор журнала «Москва», вчерашний диссидент-зэк Леонид Бородин и генерал-лейтенант гвк в отставке, бывший главный аналитик этой «конторы» Николай Леонов, главный редактор журнала «Русский дом» Александр Крутов и православный писатель Виктор Николаев...

В предвыборном штабе Глазьева попросили меня, «местночтимого» пиита, сопровождать их в агитационных поездках по краю. При первом знакомстве некоторые московские посланцы подарили мне свои новые книги. Ну и я не остался в долгу — оделил их собственными шедеврами в стихах и прозе. А наутро, когда мы собрались у микроавтобуса, чтобы отправиться на встречи с избирателями, Александр Казинцев, которому накануне достался мой поэтический сборничек, подавая мне руку, сообщил с добродушной улыбкой:

«Полистал на сон грядущий... Я не большой ценитель поэзии, но скажу, что ваши стихи очень легко читаются. Ведь нынче многие пишут так, что с трудом продираешься сквозь строки, чтоб добраться до сути. А здесь всё естественно, читается легко и воспринимается без всякого напряжения...»

Разумеется, я не дословно передаю сказанное «массивным» критиком, но за смысл ручаюсь. Как и за точность дважды повторенной им фразы «легко читаются». Кстати, насчёт «небольшого ценителя» Александр Иванович явно поскромничал, если не лукавил. Позже я узнал, что он, как и большинство литераторов, начинал со стихов, печатал их даже в «Дне поэзии», но потом погрузился в критику и публицистику. Деликатный столичный гость обошёлся столь дипломатичным отзывом на мои опыты, возможно, чтобы только не обидеть провинциального стихотворца «принимавшей стороны», однако я счёл его за комплимент, вольный или невольный, ибо и тогда разделял требования к поэзии, предъявляемые Толстым и Твардовским, весьма почитаемыми мною столпами русской словесности.

Да, истинное достоинство стихов измеряется отнюдь не навороченностью разными метафорами и аллюзиями и не претензиями на сомнительное глубокомыслие, а, напротив, доступностью содержания и простотой формы, то есть той самой лёгкостью чтения и восприятия, которую в народе метко называют «складностью».

Не буду скрывать, что испытываю горделивое чувство, когда учителя словесности, издающиеся ребята с «региональной» литературой (а в недавние времена такая значилась в школьной программе), при встречах говорят мне: «Частенько берём и ваши стихи: они просты, понятны, легко читаются и запоминаются...»

Видно, не зря великий композитор наш Георгий Свиридов писал, что «русское искусство должно быть простым, потому что оно христианское искусство. Христос ведь прост. Никакой двойственности. А вот Иуда — сложная натура. Сложная, потому что он предатель. Христос не сложен, но непостижима эта простота для нас». А великий молитвенник преподобный Амвросий Оптинский даже оставил нам в назидание «складный» афоризм: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».

И пусть медийные лжецы не трюндят, что якобы нынче «в тренде» одни «сложносочинённые» описи словесных шулеров и выжиг, прости Господи.